

НА ПРОСТОРАХ РОДИНЫ

**ПРОИСШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
ФАНТАСТИКА, ФРОНТОВЫЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ**

КНИГА 3

**Петр Делятицкий
Александр Миледин
Анатолий Музис
Денис Забелин
Марк Наумов
Андрей Сидорчик
Максим Ларионов
Виктор Музис
Юрий Айзин
Штейдле Луитпорд
Ромуальдыч
Светлана Цыганкова
Кирилл Тодоров**

**Происшествия, приключения,
фантастика, фронтовые
и исторические
хроники. Книга 3**

Аннотация

Сборник включает в себя рассказы и воспоминания о работе геологов, о стройке века Транссибирской магистрали, воспоминания советских и немецких людей, о днях Великой Отечественной, о происшествии в океане с советскими моряками.

Содержание

ВИКТОР МУЗИС	7
ВОЛЧАРА	7
ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ	11
1. ИВАНЫЧ	11
2. НЕ ХОЧЕТ...	12
3. ОЛЕНЬ	13
4. ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИТЬСЯ!	15
ЮРИЙ АЙЗИН	17
РЫБАЛКА	17
ВОЛКИ	20
АЛЕКСАНДР МИЛЕДИН	22
ПРЕФЕРАНС И ЦК НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ	22
«КЕНГУРУ» на ОМОЛОНЕ	25
АНАТОЛИЙ МУЗИС	29
ОТЧЕГО ВЫМЕРЛИ МАМОНТЫ	29
Глава 1	30
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Происшествия, приключения, фантастика, фронтовые и исторические хроники

Книга 3

Авторы: Музис Виктор, Наумов Марк, Миледин Александр, Музис Анатолий, Луитпорд Штейдле, Забелин Денис, Цыганкова Светлана, Сидорчик Андрей, Ларионов Максим, Тодоров Кирилл, Ромуальдыч, Айзин Юрий, Делятицкий Петр

Редактор, составитель ВИКТОР МУЗИС

- © Виктор Музис, 2020
- © Марк Наумов, 2020
- © Александр Миледин, 2020
- © Анатолий Музис, 2020
- © Штейдле Луитпорд, 2020
- © Денис Забелин, 2020
- © Светлана Цыганкова, 2020
- © Андрей Сидорчик, 2020
- © Максим Ларионов, 2020

© Кирилл Тодоров, 2020

© Ромуальдыч, 2020

© Юрий Айзин, 2020

© Петр Делятицкий, 2020

ISBN 978-5-0051-6055-3 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-5090-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИКТОР МУЗИС

ВОЛЧАРА

Во время сплава по реке Муна в Якутии, на одной из стоянок я пошел вечером с ружьишкой на близлежащее озерцо посмотреть ондатру. С ружьем, так как, даже со смертельной раной в голову от малокалиберки, зверек часто нырял и погибал, ухватившись зубами за траву на глубине. От дозы дроби «0» его уже ничего не спасало и тушка оставалась на поверхности воды.

По дороге я, как обычно, шел с двустволкой наизготовку с дробовым зарядом «3» на куропатку или утку и картечью во втором стволе «на всякий случай». Пройдя густым стройным сосняком, где невозможно было идти тихо – покров под ногами из сухой сосновой хвои издавал громкий треск, я вышел на обрывистый береговой уступ реки и стал рассматривать противоположный берег реки, где было место брода, а за ним в лесу озеро.

Ружье было в правой руке и я тут же вскинул его, как только услышал какую-то возню у себя под ногами. Какой-то здоровый пегий зверь вдруг выскочил из кустов внизу и рванул вдоль берега под обрывом. Светло-коричневый, с длинными ногами Я принял его за молодого сохатенка и повел стволом за ним. Но зачем нам худосочный сохатенок, в нем мяса-то нет.

А зверь легко запрыгнул на обрыв повернувшись ко мне боком. Уши торчком... Большой хвост... И тут я понял, что это ВОЛЧАРА! Какой-то огромный, как мне показалось, и, почему-то, пегий, светло коричневый. За все мои годы работ я ни разу не встречал волка, за исключением одного случая со светлой самкой, которая стала уводить нас от логова, бывшего где-то поблизости. А другие видели волков, которые встречались им обычно на речных косах.

Понять-то я понял, да поздно... Волчара вскочил на обрыв и исчез за ближайшими стволами деревьев. Я еще постоял, размышляя, что, видимо, разбудил его на лежке в кустах... И, вдруг, сбоку от меня с шумом и треском он рванул прочь от меня... Мелькнул несколько раз за стволами сосен и скрылся. Стрелять было бесполезно... Видимо, очухавшись, он решил посмотреть, а кто это спугнул его? Подобрался ко мне поближе, ну хоть бы веточка хрустнула у него под лапами, и, когда понял, что это человек, тут же рванул

наутек.

Я пожалел, что упустил свой шанс, ведь поначалу я достаточно времени держал его на мушке, а августовская шкура уже достаточно хороша. Но ведь зима близко, а шкура почему-то не серая! Ведь именно цвет шкуры сбил меня с толку. Я думал, что волк и летом серый...

Но, благо, мне надо было на другую сторону реки, я спустился с обрыва, перебрел по перекату речку и пошел на озеро.

2018 г.

ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ

1. ИВАНЫЧ

Забавный случай из моих охотничьих историй произошел на подбазовом лагере на реке Оленек, куда состав партии прилетел весной для распределения по отрядам, получения со склада снаряжения и продуктов на сезон и вылета к местам основных работ.

К этому времени сюда забросились весновщики во главе с Иванычем, срубили избушки для Иваныча и под баню, поставили 10-местные палатки под склад и столовую, провели электричество и заготовили кое что из съестного – и рыбного, и мясного.

Иваныч с выращенной редиской на р. Оленек

Иваныч, улыбочивый коренастый добродушный, но вечно ворчащий мужичок из старой гвардии радистов, не только держал с нами связь по рации, но был еще хозяйственником, прекрасно разбирался в моторах и был отличным рыбаком и охотником. Он даже небольшой парничок построил, где «экскрементировал» с помидорчиками, огурчиками и редиской. А зеленый лучок у нас прямо по паберегам рек рос – идешь в маршруте, срываешь и жуешь.

2. НЕ ХОЧЕТ...

И вот, выпросив заранее у Иваныча моторку, понесло меня с моим коллегой и приятелем, Истоминым Валерой, «сра-

нья» сети проверить. Для меня это такая же разалекуха, как ловля на удочку или спиннинг. После завтрака завели мотор и понеслись вниз по реке за десяток километров. И прогулка тебе, и рыбалка, и, глядишь, чего из мясного на берег вый-дет... Подъехали к сети, проверили, приподнимая над водой и опуская обратно, и хотели возвращаться в лагерь.

Вставили шнурок в стартер, дернули... а он не завелся... Дергали, дергали... не заводится и все тут... То он подергает, то я... ну, не хочет заводиться...

3. ОЛЕНЬ

И пошли мы обратно к лагерю пешком по ровной пабе-реге. Шли мы шли, «солнцем палимы», размышляя о том, что же случилось с мотором, о красотах природы и преврат-ностях судьбы, и устал я карабин нести. Передал его Валере, не останавливаясь, и идем дальше. Прошли несколько кило-метров и я протянул руку за карабином – не тащить же его Истомину до конца.

Он, так же, не останавливаясь, передает мне его, а сам смотрит куда-то вперед. Я посмотрел... а там олень стоит. Стоит боком к нам и, повернув морду, смотрит на нас... Я принял карабин и с ходу выстрелил пару раз. Олень упал. Мы подошли, посмотрели на него, попинали и достали но-жи, что у каждого на поясе. Повернули его... а у него на боку большая проплешина.

– Может, он заразный, – говорю.

– Не знаю, – отвечает Валера.

А мы были напуганы Сибирской язвой, о которой нам постоянно сообщали – то в одном регионе случаи обнаружат, то в другом... А мы-то не ветеринары...

– Ну его, – говорю. – Пусть Иваныч посмотрит. Все равно за лодкой ехать.

И мы, оставив его лежать на пабереге, пошли в лагерь. День уже вошел в полную силу, на лагере было тихо. Никто и не думал шевелиться, пока не раздадутся удары «в рельсу», призывающие к обеду.

Мы зашли к Иванычу. Он то ли спал, то ли дремал после утренней связи. Не решаясь его будить, мы только негромко и несмело окликнули его:

– Иваныч! Ты спишь?

– Поспишь с вами... – услышали мы в ответ.

– Мотор не смогли завести, – объясняли мы. – И еще оленя подстрелили. Но он какой-то странный. Ты не посмотришь?

Иваныч, ворча про наши руки-крюки, тут же поднялся. До обеда время еще было. Сев в его лодку, мы оттолкнулись от берега. Иваныч завел мотор, сел на корме и, управляя «Вихрем», погнал к нашей лодке.

4. ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИТЬСЯ!

Мы подплыли, Иваныч встал к мотору и мы столкнули лодку так, чтобы мотор можно было откинуть поглубже в воду.

– Смотри, что он будет делать, – шепнул я Истомину.

Иваныч снял крышку мотора, намотал на стартер шнурок с узелком на конце и дернул... Мотор взревел, подняв винтом бурун воды за кормой.

– Что он сделал? – удивленно спросил я Истомина. – Как он его завел?

– Не знаю! Просто дернул...

– Иваныч, как ты его завел?

– Как, как... нормальный мотор...

Мы с Истоминим недоуменно посмотрели друг на друга:

– «Талант не пропьешь»!

На двух лодках мы «пошли» в сторону лагеря и подплыли к оленю.

– Вот, посмотри... Что с ним? Смотри, какая проплеши-

на... Может он больной, заразный?

– Какой больной! Какой заразный! Линяет он!..

Мы пристыженно замолчали.

Иваныч достал нож и быстро и умело разделал оленя.

Вот так! Век живи – век учись!

2018 г.

=====

ЮРИЙ АЙЗИН

РЫБАЛКА

Мы с дядей часто ездили вместе на рыбалку. Оба заядлые рыбаки. Порой проходили в один конец по 10 -15 километров и столько же обратно. Однажды мне звонок по телефону:

– Юр! Такое место нашел. Рыбы как лошади. У меня на берегу пруда бутылка стояла со смородиновым морсом. Так вот, я такого «лося» вытащил, он мне хвостом бутылку опрокинул, некогда было ее поднимать. Кинулся к нему, чтобы он обратно в воду не ушел. Вот зверь!

Я «клюнул»:

– Дядя Коль! Когда?

– В эти выходные.

Сказано – сделано. В предвкушении хорошего клева идем по пересеченной местности с рюкзаками, удочками час, другой, третий. Жара, комары, слепни. Романтика! Доходим до места. Располагаемся на берегу пруда. Место не совсем живописное: открытое поле, лес далеко. Наливаем по 100 г, чокаемся – это ритуал! Закидываем удочки, ждем... И вот дождались. – на велосипеде подъезжает старик, машет руками, ругается. Оказывается, здесь запретная зона, рыбоохранное хозяйство, ловля запрещена. Дядя и тут не растерялся.

Достаёт свое удостоверение, быстро открывает – закрывает. В зависимости от должности собеседника представляется сотрудником вышестоящей организации. В армии говорят:

– Война херня, главное маневры.

Докладывает:

– Я инспектор рыбнадзора. Вот с племянником решили ваши хозяйства посетить, узнать – как дела, нужна ли помощь. Да вы не стесняйтесь, здесь все свои. Выпить не желаете?

– Да что вы, я при исполнении.

– Ну ладно, как дела в вашем водоеме? Я буду докладывать своему начальству.

– Да вот, пруд сильно зарос, почистить бы надо.

– Может вам бригадку подбросить? Так вы скажите, у нас с этим просто.

– Да, неплохо бы.

Дядя демонстративно делает какие-то пометки в блокноте.

Я отвернулся, смех душил меня. Короче, сторож – «свой человек». ни о каком штрафе не может быть и речи. Дядя сторожу:

– А может разрешите половить?

Сторож испуганно:

– Я бы разрешил. Такие люди. Так ведь работу могу потерять.

Ну ладно. Посидели немного. Попрощались и пошли ис-

кать другое место, поспокойнее, где ловля разрешена. После долгих скитаний нашли. Еще по 100 грамм. Кругом лягушки квакают, рыба молчит. Посидели, перекусили, клева не было, так и пошли налегке обратно. Не повезло.

=====

ВОЛКИ

В Алма-Атинской области я познакомился с девушкой по имени Катя. Она после ВУЗа окончила курсы механизаторов и все лето работала комбайнером. В этом районе убирали хлеб. По мере уборки полей они свою технику перегоняли на новое место. Я к ней ходил в самоволку вечером. Сначала они были близко от нашего расположения, потом все дальше, дальше. В последствии дорога к ней занимала у меня около трех часов в один конец.

Возвращаюсь я как-то обратно к себе в часть. Светит полная луна, ночь, светло почти как в сумерки. Тишина, суслики спят, только цикады стрекочут. И вдруг впереди... три фигуры. Как раз на моем пути. Волки! И обойти нельзя, догонят. Ну, думаю, Юрко, помирать, так «с музыкой». Хоть одного гада прикончу. А с собой-то ничего нет, даже штык-ножа. Только ремень с пряжкой на поясе. Ну, буду пряжкой охаживать, пока остальные не сожрут меня, сволочи. Тело напряжено, к бою готов.

А они, гады, сначала поодаль стояли, а потом сгруппировались. Иду навстречу им, ближе, ближе... И вдруг – ржание. Подхожу ближе, а это три лошади «в ночном». Травку щиплют, отдыхают. Ах вы мои родимые. Пронесло. Прошел мимо, помахал лошадям на прощание.

АЛЕКСАНДР МИЛЕДИН

ПРЕФЕРАНС И ЦК НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Большинство геологов умеет играть в преферанс. В поле, в период перманентных ожиданий хорошей погоды или вертолета, расписать пулю – прекрасный способ скрасить время. Очередной дождливый сезон на Верхоянье, расписывание классической пульки в нашем дружном отряде приобрело характер эпидемии. Играли после маршрутов, если были силы. По маленькой, по копейке за вист. Все проигрыши суммировались, чтобы в Москве пропить в ресторане. Пропорционально проигрышу каждого.

Тот сезон задался для меня изначально плохо. Ранней весной меня занесло в 7 больницу с язвой какой-то там кишки. Лечение длилось больше месяца и вылилось в рекомендации врачей жить дальше на строгой диете и без всяких физических нагрузок. Запуганный врачами до глубины пяток, я залег в одиночестве дома. Жизнь кончилась. В перспективе виделось питание манной кашей без полевых сезонов. Близились майские праздники.

Мою идиллию нарушили коллеги-друзья, решившие про-

ведать больного. Поскольку жрать, кроме каши, в доме не было, возникло предложение поехать в Славянский Базар и нормально отпраздновать мою выписку из больницы. Мои возражения не подействовали.

Расположившись за столиком, я первым делом потребовал что-нибудь диетическое. Но коллеги резонно рассудили, что надо отпраздновать жизненный финиш и налили водки. Дальнейшее помню смутно. Протрезвел я уже в Батагае, через неделю, перед заброской в тайгу. Как ни странно без всяких болей в животе. Видимо водка и знаменитые пирожки-расстегаи в Славянском базаре были правильные.

Зал «Славянского базара»

Естественно, вернувшись в Москву, мы пошли пропивать преферансные деньги именно в Славянский Базар. Как бы не вспоминали про плохую и голодную жизнь в СССР, той небольшой суммы хватило, чтобы четыре нехилых мужика

набрались до бровей. Отдав остатки чаевыми, мы, отдуваясь, побрели по 25 октября (Никольской) в сторону Москворецкой набережной. По правой стороне Старой площади.

Вход в ресторан

Стемнело. Одичав в тайге, я не нашел ничего лучшего, как пописать в некой темной нише. Остальные меня поддержали. Нишей оказалась архитектурное украшение на здании ЦК. Возможно вход. Как мы замечательно бежали под милицейские свистки! Одним рывком добежали до Котельников. И про язву я забыл на десятилетия.

«КЕНГУРУ» на ОМОЛОНЕ

Работа на обнажениях Омолона и его притоков грела душу. Редким геологам доводилось бывать на одной из красивейших рек государства, да еще и овейной романтическим куваевским «Домом для бродяг». Я с Мариной отбирали пробы из девонских вулканитов, стараясь выявить некую зональность этого древнего пояса, палеомагнитчик Женя долбал всю стратиграфию подряд для определения палеоширот.

Идеей работ было предположение о чужеродности палеозойских блоков Омолонского массива. Предположение не моё, а основоположников, считавших эти блоки «приехавшими» аж из южного полушария.

При плавании на моторках, мы тихонько браконьерствовали для поддержания штанов, поскольку выплыли из зоны досягаемости МИ-8 от базы в п. Зырянка и со жратвой было туго. Быт скрашивали местные охотники, время от времени посещавшие наши стоянки. С их обязательными вопросами, при традиционном чаепитии: «Откуда? Давно? Какая зарплата?».

На речной косе реки Омолон

Узнав, что мы из Москвы и Питера, болтаемся в тайге с июня и размер нашего жалованья, все они начинали нас отчаянно жалеть и немедленно одаривали свежими овощами и яйцами.

В один из дней, из подплывшей моторки выскочил знаковый охотник и сообщил нам, что сверху плывут местные прокурор, охотинспектор и корреспондент из газеты. Ищут нас! И быстро смылся вниз по реке.

Слегка запаниковав, я для представительности нацепил на пузо кобуру и распорядился убрать все улики. Женька кинулся снимать сети, а остальные, во главе с Маринкой, занялись мясом и поставили на костер гречневую кашу для угощения гостей.

Когда показались лодки с представителями власти и прессы, мы мирно сидели у костра и трескали гречку с тушен-

кой. Я пригласил гостей разделить трапезу, Женя с Мариной на всякий случай затихли в камералке. Брезгливо посмотрев на гречку, прокурор заявил, что они слышали о шибко научных геологах из Москвы и привезли корреспондента, чтоб он взял у нас интервью.

Пока я что-то мекал, пытаюсь донести до гостей идею о дрейфе материков и об Омолонских террейнах, приплывших из Австралии, появились Женя и Марина. Женька влез в интервью, став вещать о возможностях связей палеомагнитного анализа с месторождениями золота. Понятные слова про золото пришлись им по душе и про меня забыли. Для большего впечатления Марина выдала резюме: «В общем, ищите кенгуру на Омолоне!».

Наши «Прогрессы» на реке Омолон

Кунгуру заинтересовало всех гостей. Мои попытки объяс-

нить, что оломонские блоки отломались от Палеоавстралии задолго до появления кенгуру, несколько сотен миллионов лет назад, журналист и остальные проигнорировали.

К вечеру, подарив нам копченых ленков и уток, официальная делегация отбыла дальше шерстить охотников. Активно обсуждая возможность встретить по берегам кенгуру. Оставив нас с двумя напрочь спутанными сетями в процессе их экспресс-выдергивания.

Осенью я получил две разные местные газеты со статьей и шикарным заголовком «Ищите кенгуру на Омолоне». То ли Магаданский комсомолец, то ли Магаданская правда или Золотая Колыма, сейчас не помню (валяются на даче). Где описаны крутые геологи Женя и Марина и разочек упоминался я. Начинался очерк эпически: – «Встреченные мною на Омолоне советские геологи сделали выдающиеся открытия...». Основоположником теории дрейфа континентов был поименован, нет не Вагенер, а Лев Моисеевич Натанов, главный геолог Аэрогеологии! Хорошо, хоть не мы.

Эта хохма имела большой успех в нашей экспедиции.

=====

АНАТОЛИЙ МУЗИС

ОТЧЕГО ВЫМЕРЛИ МАМОНТЫ

Глава 1

Нюкжин стоял на берегу Ясачной и заворожено смотрел, как под ногами шевелилось, кряхтело, с шорохом терлось о землю белое шершавое чудовище, похожее на гигантскую змею. Оно настырно ползло вверх по реке, что уже само по себе казалось противоестественным.

Весна на северных широтах еще не набрала силу. Вокруг Зырянки лежал снег, с гор порывами налетал по-зимнему холодный ветер, но солнце грело. Речной лед четыре дня назад стал серым, ноздреватым. Позавчера появились трещины, полыньи. А сегодня ледяное поле пришло в движение и медленно двинулось вниз по Колыме, раскалываясь на отдельные куски.

Ледоход на реке Колыма

Но у Средне-Колымска лед еще не тронулся. Он, как плотина, поднимал уровень воды, загоняя ее в притоки. И вот, Нюкжин стоит и смотрит, как льдины на Ясачной движутся вспять! Да, да! В самом прямом смысле – против течения!

Нюкжин тревожно поглядывал на отметки водомера. До бровки террасы оставалось не более полутора метров. Жуткое белое крошево шевелилось под ногами, как живое существо.

«Плохо!.. – думал он. – Очень плохо! Еще чуть-чуть и залет поселок. Тогда не улететь, а бурить на болотах можно только пока земля мерзлая...».

Нюкжин поежился и поднял молнию куртки на цигейковой подкладке. Посмотрел туда, за Ясачную. Хребет Черского сахарной грядой выделялся на горизонте в прозрачном чистом весеннем воздухе. Он обнадеживал: не горюй, болота отойдут не так скоро...

Но, как обычно, неожиданно вертолет дали! Попутный... И вот они в аэропорту.

Подъехала райкомовская машина. Вышли двое. Мужчины. Одеты просто. С Сер-Сером поздоровались, вернее Сер-Сер поздоровался с ними, а они ответили. На Нюкжина не взглянули.

Один спросил пилота:

– Готовы?

– Готовы! – ответил пилот.

– Тогда полетели!

И полез в салон. За ним – второй. Лица озабоченные.

«Паводок! – подумал Нюкжин. – А в Среднем, поди, ушами хлопают. Вот они и летят».

Набирая скорость, начали вращаться лопасти. Вертолет подрагивал, примеривался к грузу, затем мягко покатился, оторвался от земли и помчался прямо на вершины деревьев, словно собирался сбить макушки. Но, не долетая до них, резко взмыл вверх. Деревья нырнули ему под брюхо и взору Нюкжина открылась Колыма. Длинная белая полоса дробленого льда чуть-чуть шевелилась. Чернели полыньи, иногда значительные. Местами льдины громоздились одна на другую. Кое-где на поверхности льда виднелись то дерево с вывороченным корнем... то разбитый бочонок... то кучка мусора...

Гул мотора стал ровным, методичным. Вертолет набрал высоту триста метров и лег на курс. Он летел на север, придерживаясь долины Колымы, и перед Нюкжиным развевалась любопытная картина, подобная эффекту обратной киносъемки. У Зырянки он наблюдал плывущие льдины, черные полыньи – одним словом, ледоход. Ниже по Колыме льдины сплывались, образуя разбитое трещинами ледяное поле... Вот и трещины уже выклинились и под вертолетом еще не тронувшаяся Колыма – сплошной серый лед!

– Успели! – думал Нюкжин. – И от паводка убежали, и Средне-Колымск принимает».

Справа к Колыме подступил скалистый обрывистый бе-

рег. От него круто поднимались округлые заснеженные вершины Юкагирского плоскогорья. Береговые обрывы отделяли их от Колымы черным бордюром.

Он переместился к левому иллюминатору. Сквозь желтоватое стекло от Колымы и до самого горизонта простиралась белая, слабо всхолмленная равнина.

– Наша вотчина! – подумал он. – Что-то будет, когда растает?!

Белая равнина. «Блюдечки» озер подо льдом – круглые, беленькие, плоские. Местами черные проплешины бугров, на них разреженная щетка низкорослых лиственниц. Видны и заросли кустарников, занесенные снегом. Кое-где даже краснеет прошлогодняя листва карликовой березки. А в общем, снежный покров не так велик, как показалось издали. Продержится недолго. Но и воды будет немного.

Вертолет делал круг. Проплыли под иллюминатором серые, разбросанные вдоль берега реки домики Средне-Колымска. В поле зрения опять вошла Колыма. Серый ноздреватый лед выглядел достаточно прочным.

Вертолетчики заторопили как обычно:

– Выгружайтесь! Скорее! Аэропорт закрывается!

Едва они перегрузили свои вещи на машину, как вертолет снова загудел, закрутились лопасти. Через минуту он взлетел прямо с места и взял курс обратно на Зырянку.

И наступила тишина. Такая потрясающая, что показалось: они переместились из одной эпохи в другую. А вертолет, со-

вершивший чудо, уменьшался, превращался в точку над горизонтом.

«Адский агрегат!» – не без восхищения окрестил его Нюкжин.

Но у Средне-Колымска лед еще не тронулся. Он, как плотина, поднимал уровень воды, загоняя ее в притоки. И вот, Нюкжин стоит и смотрит, как льдины на Ясачной движутся вспять! Да, да! В самом прямом смысле – против течения!

Но... что это? По дороге, что вела логом, грохоча траками по мерзлой земле спускался вездеход.

«Наш?! Неужели наш? – подумал Нюкжин. – Теперь ему казалось, что прошло слишком мало времени. Или они не собрались? Так приехали? Вездеход лихо подкатил к дежурке и остановился, демонстрируя надежность тормозов. Распахнулись сразу обе дверцы: из одной вылез улыбающийся Кеша Кочемасов, из другой – серьезный Виталий Мерипов. – С прибытием! – Кеша долго и радостно тряс руку Нюкжину – Заждались мы тут.

Вездеход ГАЗ-47

– Загрузились? – спросил он.

– Три дня как загруженные. Вот-вот вода пойдет. Выбраться надо. Поскорее.

Ай, да, Кеша! Тут гадаешь, готов ли он? А, оказывается, вездеход уже три дня дожидается команды. И про воду знает. И беспокоит она его, не менее Ньюжина.

Загрузить вездеход так, что бы в пути груз не растрясло, надо время. А Колыма торопила. Поэтому по быстрому закатали бочку с бензином, на скорую руку закидали имущество. Кеша приветливо открыл дверцу.

– Садитесь! Я наверху.

– Нельзя наверху.

– Ничего! Милиционер мой дружок.

– По технике безопасности нельзя.

Кеша посмотрел на Ньюжина с недоумением.

– Какая техника? Вещи валом накидали. Железки. Там живому человеку не ехать.

– Ну, ладно, до первого лагеря так доедем, а там обустроимся.

Они поехали. Машина шла уверенно, надежно. Теперь бы еще благополучно проехать мимо магазина.

Донилин сидел на перилах крыльца. У его ног лежал объемистый рюкзак с хлебом – в дорогу! Из карманов куртки-штормовки торчали две бутылки. Не дожидаясь приглашения, он быстро вскарабкался наверх и возвестил:

– Вперед, славяне!

Но Ньюжин не спешил. Он достал из полевой сумки карту.

– Кеша! Посмотрите!

Кочемасов нагнулся.

– Нам нужно сюда, – показал направление Ньюжин. – Вот тут, видите, на карте обозначен сарай.

– Знаю! – сказал Кеша. – Черный бугор. Летом косят там, на аласах. – Хорошо бы до него сегодня...

– Доедем! Это рядом.

– Тогда садитесь в кабину. Покажете дорогу. – И протянул карту. – Возьмите.

– Я так найду, – отвел его руку Кеша.

Они поменялись местами. Ньюжин залез на вездеход, а Кочемасов сел в кабину водителя.

– Как вы там? – спросил он оттуда.

– Порядок! Трогайте!

Вездеход аккуратно взял с места и покатил по улицам Средне-Колымска, мимо потемневших от времени и непогоды деревянных приземистых домиков, спустился в лог, темный, а потому холодный, и пошел по нему, выбирая путь к верховью.

И, словно получив приказ, вездеход вынырнул из лога на заснеженную равнину. Она сверкала, искрилась, ослепляла белизной и солнцем. И чистое синее небо над головой. Настроение у Нюкжина стало совсем по погоде. Он был уже устремлен к тому далекому пункту на реке Дьяске. Пройти и пробурить. И посмотреть. И подумать. Простая задача! Простое обследование местности. Что? Где? Как?.. Но если по делу, то не такое оно и простое. Из совокупности мелких фактов складывается грандиозная картина жизни на Земле. Ведь у Земли есть своя жизнь... Двигутся материки... Воздымаются горы... Низины заносятся рыхлыми наносами... Нет большей радости, чем радость познания.

А вездеход мчался вперед, лавируя между мелкими озерами. Они оставались по курсу то слева, то справа, небольшие, округлые, подо льдом и снегом. Иногда встречались озера крупные, овальные. Первое крупное серповидной формы озеро лежало как раз перед Черным бугром. Предстоял немалый объезд. Но вездеход вдруг, никуда не сворачивая, скатился по пологому берегу и выскочил на лед. Нюкжин

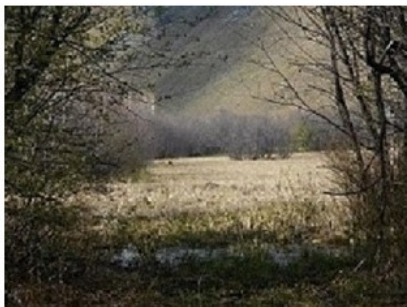
только ахнул: что делают?! А вездеход уже мчался по ровному белому полю, вздымая холодную белую пыль. Нюкжин оглянулся: за машиной двумя рублеными полосками тянулся след гусениц. Лед держал.

Вездеход пересек озеро, подошел к берегу и повернул в поисках выезда. Черный торфянистый берег, рассеченный клиньями жильного льда, возвышался невысокой, отвесной стеной. Вездеход обогнул торфяник, за ним начинался пологий подъем на низкий берег, даже не подъем, так, чуть-чуть, и они снова на мерзлой земле Колымской равнины.

Торфяник представлял собой остатки значительно более крупного бугра пучения, кровля которого рухнула. Образовалась воронка, а в ней озеро. Когда такие озера пересыхали, открывались идеально ровные илистые площадки – «аласы», – где летом буйно поднималась высокая трава. На аласы

рядом с Черным бугром приезжали из Средне-Колымска запасать корм для лошадей и коров. Молоко шло в школу-интернат и другие детские учреждения. Между аласами располагались суглинистые холмы и на самом широком из них, на возвышенной его части, стоял деревянный сарай. Осенью им пользовались косари, зимой – охотники.

Алас

Вездеход подкатил к сараю. На вершине холма снег сошел и земля сочилась капельными струйками воды. На Черном бугре размокший торф превратился в сажистую слякоть. На склонах и аласных западинах лежал снег. Для лагеря сухого места не было.

Нюкжин осмотрел сарай. Он походил то ли на неочищенную конюшню, то ли на заброшенный общественный сортир. Осенью косари приведут его в порядок, но сейчас...

– Приехали... – усмехнулся Виталий.

– Ничто! – сказал Донилин. – Переживем!

– Для костра место найдем, а ночевать придется на вездеходе. – подвел итог Кеша.

На землю ложились неотчетливые мягкие тени. В светлом сумраке дерева, сарай, вездеход смотрелись как силуэты. Поблескивал лед на озере. Розовела лужа, набежавшая поверх льда.

Сидеть у костра, подбрасывая в огонь сухие чурки, что может быть лучше? Виталий принес воды, подвесил над огнем казан и чайник. – Что будем варить?

– Макароны, – сказал Кеша.

– Чудо-блюдо! – подтвердил Нюкжин. – Бух в котел и там сварился.

– С тушенкой?

– С тушенкой.

«А ведь утром я еще смотрел на ледоход в Зырянке», – с тихим удивлением подумал Нюкжин. Но предаваться воспоминаниям было еще рано.

Виталий вышел из сарая. В руке он держал небольшую квадратную доску.

– Посмотрите, я икону нашел!

Доска потемнела и прогнулась, а постный лик угодника закоптился настолько, что пришлось его протереть тряпичей, чтобы разглядеть хорошенько и его самого и витиеватую подпись: «Николай»!

– Зачем тебе? – спросил Степан. – Дурман же! Опиум для народа. – Понимаешь ты! А может она древняя?

– И что?

Донилин не оценивал икону в рублях. Да и содержимое кружки привлекало его значительно сильнее.

Но Нюкжин помнил: в середине XVII века отряды казаков Михаила Стадухина и Семена Дежнева проникли с моря в устье Колымы и основали Нижне-Колымский острог. Оттуда Дежнев выходил морем в сторону Чукотки. А кто из них поднимался по Колыме? Может быть Ерило Зырян? Оторванные от Большой Земли, на веслах и под парусом, без карты, без страховки – только долг, икона и святая вера! И хотя икону в сарае вряд ли оставили те землепроходцы, уже то, что она воскрешала память о них, делало ее неприкосновенной. Брать икону не следовало! Однако, как объяснить Виталию?

– Положь на место... – глухо, но с угрозой сказал вдруг Кеша.

Он сидел почти не изменив позы. Разве, чуть пригнув голову, как зверь перед прыжком. Но от его ровного бесцветного голоса Нюкжину стало не по себе.

– Да ты что? – неуверенно запротестовал Виталий.

– Положь!

Темные глаза Кеша ничего хорошего не обещали, хотя голос оставался по-прежнему ровным и негромким.

«Убьет и не вздрогнет!» – подумал Нюкжин.

– Нужна она мне... – пробурчал Виталий и поплелся обратно к сараю.

– Не им кладено, не ему брать! – твердо сказал Кеша.

Нюкжину казалось, что он заснет не дойдя до вездехода. Веки смыкались сами собой. В темном кузове вещи лежали навалом. Наводить порядок? Нет, завтра! Только завтра! Нашел спальный мешок, кое-как выровнял место для ложа. Попахивало бензином...

Он заснул мгновенно, хотя и во сне кто-то не давал ему покоя: «Начальник!.. Начальник!..» – Что за сон? – Начальник! Кончай ночевать, «вставай» пришел!

Сначала Нюкжину показалось, что Донилин, как начал вчера шутить, так и не может остановиться. Но Донилин не шутил. И небо в проеме кузова светлое. Посмотрел на часы: семь утра!

– Что рано?

– Бурить надо! Место вчера не выбрали...

Нюкжин вылез, щурясь на яркий свет. В средней полосе России можно было подумать, что уже близится полдень.

Ба! Донилин ли перед ним? Ни ржавой щетины, ни мути в глазах. Стоит на ногах прочно, по-хозяйски.

– На торфянике... – сказал он, стараясь с ходу включиться в деловой разговор.

– Туда шланг не дотянем.

– Там же была вода!

– Была да сплыла! Ночью не тает.

– Тогда поближе к торфянику...

Нюкжин уже проснулся. У него, как и у Донилина, появилось предвкушение настоящей работы. Он подошел к Черному бугру и осмотрел его подножье.

– Сюда дотянем?

– Пожалуй, – сказал Донилин и крикнул Кочемасову: – Тащи!

Они поставили треногу, принесли моторы, лебедку, трубы. Стали монтировать станок.

Моторчик гудел, колонковая труба медленно, но верно погружалась в грунт. Донилин словно колдовал над ней. Он двигался быстро, проворно, ни одного лишнего движения. Его чуть выпуклые зеленоватые глаза, как две фары зорко высвечивали и вращение штанги, и подачу воды.

Муфта достигла устья скважины и Степан крикнул:

– Выключай!

Кеша остановил мотор. Степан сноровисто нарастил новую штангу и вновь подал команду:

– Включай!

Кеша в этот момент смотрел на Ньюжина – как ему их работа? И промедлил.

– Давай! Давай! – нетерпеливо прикрикнул Степан. – Не в Академии наук!

Кеша включил мотор и спросил:

– А в Академии ты что, на печи лежал?

Буровой станок

Буровой станок

– Лежал на печи и ел калачи, – весело ответил Степан. – А вот чем нас здесь накормят?

И Нюкжин понял, Донилин поднял его не только из-за выбора места для бурения. Проблема заключалась в «котле»! Вчера все торопились. Первый костер! Первый ужин! Первый ночлег! Каждый стремился сделать хоть что-нибудь. А сегодня обычный трудовой день. Донилин и Кочемасов начали бурение, им не до кухни. Он занят на связи. Донилин вероятно предполагал, что начальник распорядится в отношении Мерипова. Но тот отошел к вездеходу.

«Готовить завтрак придется мне, – подумал Нюкжин. – И надо поторапливаться, потому что как закончится бурение, предстоит отбор керна».

Он уже собрался разжечь костер, но обнаружил, что дров нет. Их сожгли утром, когда Кеша со Степаном поднялись спозаранок готовить буровую.

Нюкжин разложил костер, поставил на огонь казан с водой, засыпал туда гречневой крупы, демонстрируя приличные навыки кашевара. Потом вскрыл две банки мясной тушенки и, в заключение, повесил над костром чайник.

Виталий принес еще две охапки дров, сбросил их у огня.

Прошло около получаса, прежде чем Донилин прислушался. Он и сам не смог бы объяснить, что слышал, но опытный слух подсказывал: бурение на пределе!

– Восемнадцать метров! – сказал Степан. – Затираю керн.

Когда вынули последнюю трубу, солнце уже стояло над лесом. Как только выключили моторы, стало тихо-тихо. Ополоснулись водой из шланга. Сели к огню.

Чай пили не спеша. Но Донилин засиживаться не дал.

– Пошли... Закончим.

Потом занялись обустройством вездехода. Переместили бочку с бензином в переднюю часть кузова. Не срочный груз поставили на дно. Кошмы, палатки, спальные мешки, рюкзаки с личными вещами положили сверху, обложив ими рацию и «спецчасть». В корме кузова оставили свободное место, туда сгрузили моторы, лопаты, ломы, запасные тросы.

Здесь же поставили сбоку ящик под кухню, пока свободный.
К четырем часам отобедали.

- Сегодня далеко поедем? – спросил Донилин.
- Километров пятнадцать.
- Тогда ехать надо. Еще скважину пройдем.
- Поехали! – сказал он.

Сложили кухню. Кузов затянули брезентом, закрепили веревками. Поверх брезента положили треногу, подстелив под нее кошму.

– Готово! – подвел итог Кеша.

Нюкжин сел в кабину, разложил на коленях карту. Донилин и Кочемасов забрались наверх.

– Кеша! Поглядывайте по маршруту. Не везде можно по азимуту.

– Понятно! – отозвался Кеша.

И вот место, где они ночевали, жгли первый костер, справляли «товарищеский ужин» и бурили – позади! Они словно отчалили от родного берега. И вернутся ли еще сюда, к сараю?

«Ребятам, видимо, придется», – подумал Нюкжин, но как о чем-то очень далеком.

Глава 2

В небе тянулись птичьи стаи. Они держали курс на север. «Куда же они летят? – думал Нюкжин. – Там еще снег.»

А птичьи стаи все летели и летели. Вероятно, они знали – куда! Они летели и будто несли с собой тепло. Снег не просто таял, он сбывал на глазах. Линзочки озер подходили водой, но они ехали напрямую, сокращая путь и испытывая удовольствие риска. Иногда слышался подозрительный треск, и однажды, когда они съезжали с озера, лед у кромки берега обломился. Они выскочили на сушу, обдав сидящих наверху всплеском воды. Виталий притормозил. Нюкжин выглянул: как оно?

Кеша улыбался:

– Лихо вы!

«Не лихо, а глупо!» – подумал Нюкжин запретив съезжать на лед.

Так они ехали и третий день, и четвертый, и пятый, наблюдая, как сбывает снег, как лед на озерах уступает воде, как возникают и ширятся полыньи... И когда вечером шестого дня вездеход подошел к очередному, намеченному под стоянку озеру, оказалось, что льда на нем уже нет.

Остановились на высоком глинистом бугре, поросшем лиственницей. Прогретая солнцем земля кое-где даже подсохла.

– Здесь и палатки поставить можно, – сказал Нюкжин.

– Суше сейчас нигде не найдем, – подтвердил Кеша.

Он сразу хозяйственно взялся за топор и направился вырубать колья для палаток и очага, а заодно присмотреть сухину на дрова. Донилин с помощью Нюкжина и Виталия снял треногу, потом они расчехлили кузов, достали палатки.

Моховой покров выделял влагу. Накидали ветки стланика, постелили брезентовый пол, на него резиновый надувной матрас. И сверху кошму и спальный мешок.

– Королевское ложе! – сказал Нюкжин.

Закрепив последнюю растяжку, Нюкжин удовлетворенно разогнулся.

– Ну, вот! Теперь настоящий лагерь.

Подсели к костру. Вечер выдался тихий, лирический. Донилин заваривал чай.

Над головами по-прежнему тянулись стаи.

– Летят! – сказал Виталий. – Летят и летят!

В его голосе слышалось восхищение городского человека.

Все смотрели в небо. Великое переселение птиц никого не могло оставить равнодушным. Одни стаи летели высоко и, чувствовалось, нацелены на дальний путь. Другие уже искали место для отдыха. Они снижались и с шелестом крыльев, похожим на посвист, шли на посадку. Одна из таких стаяк плюхнулась на воду озера близ палаток, словно лететь дальше не хватало сил. Приводнившись, утки бодро отряхивались, оглядывались по сторонам, начинали плавать, нырять,

кормиться.

Степан вскочил и побежал к вездеходу за ружьем. Но, когда он, крадучись, стал приближаться к озеру, стайка дружно поднялась и перелетела подальше.

– Пустой номер, – сказал Кеша. – Надо на ночь в засидку идти.

«Отпробовать свежей утятинки неплохо, – подумал Ньюжин. – Но сколько таких „засидок“ на пути бедной птицы. И бьют ее, и бьют!.. А она все летит, летит!.. А местные не просто охотятся. Они бьют утку впрок. В той же Зырянке в дни перелета пустеют учреждения. И начальство, и подчиненные – все на тяге. И кто их остановит, если сам райисполком,.. прокуратура,.. милиция... И они, геологи, туда же!». Горизонт затягивала легкая дымка и вечернее солнце окрашивало ее в лилово-пурпурные тона. И огонь костра выглядел в предзакатных лучах бледным и бесцветным.

И вдруг: – З-з-зу... З-з-зу...

Комар! Надо же! Уже комар! В низинах еще лежит снег. На листовницах только-только пробиваются новенькие зеленые иголки. А комар, провозвестник лета, уже тут как тут.

Отужинали и Донилин поднялся.

– Приступим...

– Сегодня?

– А что?

Ай, да Донилин. Девятая скважина за шесть маршрутных дней! Что называется – дорвался до работы! И ведь может

не пить, когда нет ее, родимой...

– Я эту походную жизнь страсть как люблю, – устанавливая треногу, рассказывал Степан. – Зимой, бывало, стоишь у станка. В цехе тепло, не дует. А по мне хоть брось все, да беги.

– Что ж не побежишь? – закрепляя лебедку, спросил Кеша.

– Зимой?.. Куда же, зимой?

– Есть буровые, что работают круглый год, – подсказал Нюкжин, помогая подвесить мотор.

Не-ет... – протянул Донилин. – То, опять же, на одном месте. И дисциплина... С нашим братом-буровиком не пошуткуешь.

Солнце коснулось горизонта, когда Нюкжин и Донилин приступили к отбору керна, а Кеша ушел в «засидку». Керн на этот раз вышел не богатый, скважина прошла через крупную линзу льда.

«Выспаться бы! – думал Нюкжин, направляясь в палатку. – Как следует выспаться!»

Лег, как провалился... Открыл глаза: без четверти восемь!

Вылез из палатки, огляделся. Кеша, Степан и Виталий мирно сидели у костра. Без курток и телогреек – тепло! – в зеленых рубашках с капюшонами (энцефалитках) и такого же цвета штанах, заправленных в резиновые сапоги, они походили на братьев-близнецов.

Костер слабо дымил. Донилин приподнялся, то ли хотел подложить дров, то ли посмотреть кипит ли, но увидел Ньюкжина и крикнул:

– Начальник! Тут ночью ходил кто-то!

– Где?

– А вот, по берегу.

На отмели действительно отпечатались странные следы. Таких Ньюкжин еще никогда не видел, они походили и не походили на след сапога с рифленой подошвой.

– Сами натоптали? – для проверки спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.